вытеснение 4-го склонения 2-м, например: gen.tumulti при классическ. tumultus; колебание между 2 и 3 спряжениями, напр.: ólere при классическом olére (ср. франц. rire, mordre при классическом лат.—ridére, mordére), между 3 и 4, напр.: moriri при классическом mori (ср. франц. mourir, итал. morire, и мн. др.)], в вульгарно-латинских надписях, в схолиях и глоссах, в показаниях грамматиков, у Петрония, в научно-техническ. сочинениях (по архитектуре, медицине, земледелию и пр.), наконец, главн. обр., в лат. переводах Библии. Кроме того, много вульгаризмов попадается у поэтов, даже классических [напр., уменьшительные ocellus, вм. oculus, разговорно-народные ударения tenébrae, volúcris, intégro (ср. франц. entier)—при классическом ténebrae и пр., déderunt—при классическом dedérunt (ср. итал. diédero), неслоговые *e* и i в зиянии, напр.: aureo, ariete vindemiatores]. Отличаясь от литературной латыни, В. л. все-таки входит в ее состав, и, так. обр., вульгарно-латинские элементы, по крайней мере, переставшие быть типичными, можно выделить и из классической прозы, напр.: minus «менее» в смысле «не» в словах quominus «чтобы не» и sin minus «если нет». — Со времен христианства В. л. усвоила много грецизмов, напр.: baptizare «крестить», blasphemare «хулить» (франц. blâmer), суфф. issa (напр., princesse, итал. contessa), суфф. ía (напр., итал. allegria) и пр.

В. л. должна быть изучаема в связи с романскими наречиями, т. к., с одной стороны, указанные явления у Плавта (конец 3 и начало 2 вв. до хр. э.) являются в сущности романизмами, с другой—прароманские формы и явления, выделяемые из романских языков, пополняют пробелы в традиции В. л.

Уже древние (напр., Цицерон, Варрон, Квинтилиан) проводили различие между языком «ораторским», т. е. литературным, к-рым пользовался верхний, относительно небольшой, слой населения, именно образованные люди, находившиеся под греческим влиянием,—и языком «повседневным, плебейским», на котором говорил весь римский плебс, особенно деревенский, и рабы. Что касается провинций, то главным проводником лат. языка, при этом исключительно вульгарного, народного, там были колонисты, особенно из ветеранов, и торговцы.

Лит.: Grandgent Ch. H., Introduction to Vulgar Latin, Boston, 1907; Zauner A., Romanische Sprachwissenschaft, 2 Aufl., «Sammlung Göschen», №№ 128 и 250, Lpz., 1905. *М. М. Покровский.*

ВУЛЬГАРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ. Представителями «вульгарной политической экономии» Маркс называл экономистов эпохи разложения классической школы (1820—60 гг.), отвергавших теорию трудовой стоимости, развитую Ад. Смитом и Д. Рикардо и вульгаризировавших учение последних (см. *Классическая школа в политической экономии*). Классики свели заработную плату, прибыль и ренту к стоимости, а стоимость к труду. Труд рассматривался Смитом и Рикардо как общественный труд (в виде системы общественного разделения труда, охватывающей всех членов общества), хотя этим экономистам, ограниченным кругозором буржуазного хозяйства, еще не была ясна та специфическая форма, которая характеризует общественный труд в товарном хозяйстве. Анализ этой специфической социальной формы труда был дан впоследствии лишь Марксом в его учении о двойственной природе труда, как конкретного и абстрактного. Хотя классикам не была еще ясна социальная форма труда, образующего стоимость, но, сводя стоимость к труду, классики уже подготовили почву для коренного преобразования политической экономии, совершенного Марксом, и заложили основы политической экономии как науки социальной. Теория трудовой стоимости в том виде, как она была формулирована классиками, не могла объяснить все явления капиталистического хозяйства и на первый взгляд противоречила «вульгарным» (т. е. широко распространенным и некритическим) взглядам лиц, непосредственно участвующих в капиталистическом хозяйстве или ограничивающихся наблюдением его явлений, обнаруживающихся на поверхности рынка. Действительно, теория утверждала, что товары продаются по своей трудовой стоимости; а между тем каждому капиталисту известно, что товары продаются по ценам производства (которые равны издержкам производства плюс средняя прибыль), при чем капиталист совершенно не интересуется тем, сколько именно труда затрачено на производство товара. Теория учила, что прибыль капиталиста составляет часть стоимости, созданной трудом рабочих; а между тем капиталисту кажется, что прибыль есть какая-то надбавка к издержкам производства. Теория учила, что средства производства переносят свою стоимость на продукт, но не создают новой стоимости, а между тем капиталисту кажется, что его прибыль, которая находится в соответствии с величиной авансированного им капитала, является порождением последнего. Не сумев на основе теории трудовой стоимости объяснить все явления капиталистическ. хозяйства, на первый взгляд ей противоречащие, классики при объяснении последних нередко сами воспринимали «вульгарные» представления. Отсюда двойственность учения Смита. Поскольку Смит при помощи теоретического анализа старался найти скрытые движущие причины экономических явлений, он стоял на точке зрения теории трудовой стоимости. Поскольку он ограничивался описанием экономических явлений в том виде, в каком они представляются поверхностному наблюдению, он приходил к вульгарной теории издержек производства (упирающейся в конечном счете в теорию спроса и предложения).

Рикардо развил наиболее ценную сторону учения Смита, его «трудовую» точку зрения. Но и он не сумел при ее помощи объяснить явления капиталистического хозяйства. Этим воспользовались представители В. п. э., противники Смита и Рикардо. Среди представителей В. п. э. можно различать три группы: 1) экономистов, примыкавших в той или иной мере к «смитианству», но воспринявших наиболее слабую сторону учения Смита и выступавших против

Рикардо (Сэй, Мальтус); 2) экономистов, примыкавших к «рикардианскому» направлению, но на деле вульгаризировавших учение Рикардо (Джемс Милль, Мак-Келлок); 3) экономистов послерикардовской эпохи, открытых критиков Рикардо и прямых апологетов капитализма (Сениор, Кери, Бастиа). Указанные три группы перечислены приблизительно в том же порядке, в каком они хронологически выступали в литературе. Сэй и Мальтус были старшими современниками Рикардо, деятельность их можно отнести приблизительно к периоду 1800—1830. Милль и Мак-Келлок заняли видное место после смерти Рикардо (1823). Главные сочинения Кери и Бастиа были написаны в 1840—1851.

Уже в знаменитой теории народонаселения Мальтуса можно заметить черты, характерные для В. п. э., а именно, стремление искать причину явлений, присущих капиталистическому хозяйству, в технических и биологических моментах, сопутствующих процессу производства на всех ступенях исторического развития. В этом вопросе, однако, Мальтус оказал сильное влияние на классиков, и его теория народонаселения была некритически воспринята всеми представителями этой школы, в том числе и Рикардо, построившими на ней свое учение о заработной плате. Гораздо ярче проявилось расхождение Мальтуса с «рикардианством» в центральном вопросе—в теории стоимости: Мальтус решительно отверг теорию трудовой стоимости Рикардо и стал на точку зрения вульгарной теории издержек производства. Но учение Мальтуса о стоимости было слишком запутанно и противоречиво, чтобы получить сколько-нибудь широкое распространение. Поэтому основателем В. п. э. следует признать не Мальтуса, а Ж. Б. Сэя (1767—1832).

Как и Мальтус, Сэй формально принадлежал к классической школе, точнее—к «смитианскому» направлению. Благодаря своему легкому и ясному изложению, он немало содействовал распространению идей классической школы на континенте Европы. Однако, в решающих вопросах, а именно в теории стоимости и теории прибыли, Сэй порвал с учением Смита и заложил основы В. п. э. Сэй не понимал, что стоимость есть общественное свойство продукта, имеющее своим единственным источником человеческий труд. В стоимости он видел только «вещное» свойство, присущее самой вещи. А т. к. вещь сама по себе обладает полезностью или потребительною стоимостью, то Сэй приходил к смешению стоимости с полезностью. По его мнению, «полезность предметов сообщает им стоимость», и величина меновой стоимости предмета определяется величиною «полезности, признаваемой людьми за предметом». Смешивая стоимость с потребительною стоимостью, Сэй последовательно приходил к выводу, что стоимость не может быть образована одним только человеческим трудом. Действительно, продукты в своем натуральном виде, т. е. как потребительные стоимости, могут быть созданы только при совместном действии труда, природы и средств производства (к-рые Сэй называет капиталом). Значит, «стоимости продуктов обязаны своим происхождением совместному действию труда, капиталов и сил природы; только эти три фактора создают стоимость, новое богатство». На место учения Смита о труде как источнике стоимости Сэй поставил учение о «трех факторах производства», каждый из которых оказывает особую «производительную услугу» и является самостоятельным источником стоимости. Из изложенного учения о стоимости вытекала и соответствующая теория распределения. Раз каждый из трех факторов производства участвует в образовании стоимости продукта, то понятно, что часть стоимости продукта, созданная данным фактором производства, достается владельцу последнего. Рабочий получает заработную плату, или часть стоимости, созданную трудом; капиталист получает процент, или часть стоимости, созданную капиталом (средствами производства); землевладелец получает ренту, или часть стоимости, созданную природою (землею). Вопреки мнению Смита, прибыль не есть вычет из стоимости продукта, созданной трудом рабочего, она обязана своим происхождением «производительности капитала».

Учение Сэя «о трех факторах производства» и о «производительности капитала» получило широкое распространение в буржуазной науке. Во-первых, с практической стороны оно было выгодно для буржуазии, доказывая неправомерность притязаний рабочего класса на долю продукта сверх заработной платы. Во-вторых, «триединая формула» Сэя на первый взгляд довольно стройно объясняла происхождение трех видов дохода (заработной платы, процента и ренты) из действия трех факторов производства (труда, капитала и земли). Но, в сущности, эта теория только узаконяла обыденные представления предпринимателей. Последние из повседневного опыта знают, что сумма прибыли приблизительно пропорциональна величине вложенного ими в дело капитала. Не проникая во внутреннюю связь явлений, они делают отсюда вывод, что прибыль является порождением капитала; и этот вывод вслед за предпринимателями повторяет Сэй в своей теории «производительности капитала».

Уже учение Сэя показало, что полемика вульгарных экономистов против классической теории будет вращаться вокруг двух центральных проблем: 1) проблемы стоимости и 2) проблемы прибавочной стоимости (в первую очередь прибыли). Положение о том, что стоимость товаров создается человеческим трудом, и вытекающий отсюда вывод, что прибыль капиталиста представляет собою часть стоимости, созданной трудом рабочих,—эти два положения, к-рых придерживались, хотя и недостаточно последовательно, Смит и Рикардо, вызывали особенно острую полемику со стороны вульгарных экономистов. В первое время после смерти Рикардо наиболее оживленная полемика разгорелась вокруг теории трудовой стоимости. Рикардо не мог объяснить, почему в капиталистическом хозяйстве товары

продаются не по своей трудовой стоимости, а по ценам производства. Для объяснения этого он должен был бы показать (как то сделал впоследствии Маркс), каким образом закон трудовой стоимости, хотя и не проявляющийся непосредственно на поверхности рынка, косвенным путем — через цены производства — регулирует явления капиталистического хозяйства. Вместо этого, Рикардо объявил случаи отклонения средних цен товаров от их трудовой стоимости «исключением» из закона стоимости. На этот слабый пункт его теории направили свои удары его многочисленные критики (Мальтус, Торренс, Бейли), доказывавшие, что «исключения», допущенные самим Рикардо, лишают его закон трудовой стоимости всякой силы в капиталистическом хозяйстве. На этом основании противники Рикардо настаивали на полном отказе от теории трудовой стоимости и предлагали заменить ее теорией спроса и предложения и теорией издержек производства. С защитою теории трудовой стоимости против этих вульгарных критиков выступили правоверные рикардианцы, друзья и ученики Рикардо— Джемс Милль и Мак-Келлок. На словах они сохраняли верность теории трудовой стоимости и даже возражали против «исключений», допущенных Рикардо. Но, разделяя ложную мысль Рикардо о том, что закон трудовой стоимости должен непосредственно проявлять свое действие в капиталистическом хозяйстве, они, как и Рикардо, никак не могли объяснить факты, на первый взгляд противоречащие этому закону. Напр., они, подобно Рикардо, немало ломали себе голову над следующим вопросом: почему бочонок вина, который продержали в погребе три или четыре года, продается по более высокой цене, хотя во время хранения его в погребе ни один атом человеческого труда не был к нему приложен. Чтобы объяснить этот факт, Милль и Мак-Келлок объявили, что действие сил природы на вино во время хранения его в погребе равносильно затрате добавочного труда и потому повышает стоимость вина. Это объяснение означало по существу плохо замаскированный отказ от закона трудовой стоимости. Впоследствии Мак-Келлок, вполне в духе Сэя, прямо признавал трудом «действия или операции, производимые людьми, низшими животными, машинами или силами природы». Еще в большей мере Милль и Мак-Келлок капитулировали перед вульгарными экономистами при объяснении более сложного явления, а именно факта обмена рабочей силы на заработную плату. Только Марксу (при помощи проведенного им различия между «трудом» и «рабочею силою») удалось объяснить этот факт в согласии с законом трудовой стоимости. Миллю и Мак-Келлоку для объяснения этого факта не оставалось ничего другого, как прибегнуть к вульгарной теории спроса и предложения и создать т. н. теорию «фонда заработной платы». Согласно этой теории, величина заработной платы определяется исключительно соотношением между предложением труда и спросом на труд, т. е. соотношением между числом рабочих и размером капитала, предназначенного на наем рабочих. Этот капитал представляет собою строго определенную и ограниченную величину, «фонд заработной платы», к-рый делится между всеми рабочими данной страны. Средняя заработная плата рабочего равна частному от деления всего фонда заработной платы на число рабочих в данной стране. Повышение заработной платы может быть достигнуто только при уменьшении общего числа рабочих (для чего последним рекомендуется сократить деторождение), а не при помощи экономической борьбы и стачек. Т. о., вульгарная теория спроса и предложения давала буржуазным ученым возможность притти к апологетическим выводам, имеющим целью удержать рабочих от участия в экономической борьбе. Этот апологетический характер теории фонда заработной платы обеспечил ей, несмотря на ее теоретическую слабость, широкую популярность в буржуазной науке вплоть до 70-х годов.

История учения о фонде заработной платы показывает, что после Рикардо классическая школа переживала период разложения в двояком смысле: во-первых, она «вульгаризировалась», ограничиваясь обобщением поверхностных явлений капиталистического хозяйства и отказываясь от теории трудовой стоимости, которая ставила себе целью вскрыть конечные причины этих явлений; во-вторых, по мере обострения борьбы между буржуазией и рабочим классом, экономическая теория все более становилась апологетическим оружием для защиты интересов буржуазии. Теоретический уровень экономических учений понижался, и вместе с тем его общественные тенденции становились реакционными. Эта эволюция буржуазной экономической теории являлась отражением эволюции, проделанной самой буржуазией, которая в конце 18 века в борьбе против старого порядка и землевладельцев играла еще прогрессивную роль, а в середине 19 века направила острие борьбы против поднимающегося рабочего класса.

Если процесс «вульгаризации» классической школы давал себя заметно чувствовать в области теории стоимости, то апологетические тенденции с наибольшею яркостью проявились в области теории распределения и, в частности, теории прибыли. Действительно, тот или иной ответ, который экономисты давали на вопрос о происхождении прибыли, не мог не отражать на себе той социальной позиции, которую эти экономисты занимали в развертывавшейся исторической борьбе между буржуазией и пролетариатом. Социалисты-утописты, развивая дальше теорию прибавочной стоимости, намеченную у Смита и Рикардо, доказывали, что прибыль имеет своим источником неоплаченный труд рабочих. Чтобы избежать тех революционных выводов, к к-рым приводила теория прибавочной стоимости, Сэй выдвинул учение о *производительности капитала* (см.), а Сениор теорию *воздержания* (см.). По словам Сениора, «заработная плата и процент должны рассматриваться как вознаграждение за специальные жертвы: первая есть вознаграждение за труд, а последняя — за воздержание от

посредственного наслаждения». Если рабочий вправе получать за свой труд заработную плату, то и капиталисту причитается вознаграждение за воздержание. Теория Сениора, ставившая себе прямой целью оправдание прибыли капиталистов, имела, как и теория Сэя, большой успех.

Если Сениор не порвал еще окончательно с рикардианской школою, то это сделали впоследствии — уже после революции 1848, напугавшей буржуазию красным призраком—Кери и Бастиа, откровенные апологеты капитализма и проповедники «гармонии интересов». Кери издал книгу под названием «Гармония интересов», а Бастиа—под названием «Экономические гармонии». Если Рикардо открыто и честно признавал противоречия классовых интересов, раздирающие современное общество, то Кери и Бастиа всеми силами старались их скрыть. Кери ненавидел Рикардо именно за то, что он своим учением подготовил почву для социалистов, и для того, чтобы их сокрушить, Кери открыл поход против Рикардо. Пессимистическому учению Рикардо Кери противопоставляет оптимистическую веру в безграничный рост производительности труда, который идет на пользу больше рабочему, чем капиталисту. Правда, с прогрессом техники капиталист получает большее количество продуктов, но в еще большей мере возрастает количество продуктов, достающееся рабочему. Относительная доля рабочего в продукте труда возрастает за счет доли капиталиста. «Так гласит великий закон, регулирующий распределение продуктов труда. Из всех законов, выдвинутых наукой, это, может быть, самый прекрасный закон, т. к. он устанавливает полную гармонию реальных и истинных интересов различных классов общества» (Кери). В еще более восторженных выражениях восхваляет этот «умиротворяющий, утешительный и религиозный» закон гармонии интересов Бастиа, имя к-рого стало синонимом вульгарного экономиста и откровенного апологета капиталистического хозяйства.

Вульгарная экономия, основоположником которой в начале 19 в. был Сэй, нашла в середине 19 в. своего завершителя и наиболее яркого представителя в лице Бастиа. Поэтому вульгарную школу нередко называют школою Сэя-Бастиа. Появление Бастиа свидетельствовало о том, что буржуазная теоретическая экономия, достигшая высшей точки своего развития в лице Рикардо, исчерпала свои силы. С середины 19 века задача дальнейшего развития теоретической экономии выполнялась Марксом, истинным наследником классической школы. Для буржуазных же экономистов оставались открытыми следующие возможности: либо совершенно отказаться от теоретического исследования (см. *Историческая школа*), либо заняться субъективно-психологическ. изысканиями (см. *Австрийская школа*), либо сохранить учение классической школы в том искаженном виде, какой оно получило у вульгарных экономистов (неоклассическое направление в различных его видах), либо комбинировать субъективную теорию с вульгарной (англо-американская и математическая школы). Почти в каждом из направлений современной буржуазной экономии можно найти значительный запас идей, заимствованных у вульгарной школы. Достаточно напомнить, что в современной буржуазн. науке имеют большое число сторонников теория производительности капитала (например, Визер), теория воздержания (например, Маршал, Карвер), теория фонда заработной платы (Таусиг), не говоря уже о вульгарных теориях издержек производства, спроса и предложения, и т. п. Если В. п. э. в узком смысле слова развивалась, гл. образом, в период разложения классич. школы (1820—60), то В. п. э. в широком смысле слова продолжает существовать и в настоящее время. В силу этого знакомство со школою Сэя-Бастиа представляет для нас интерес не только как любопытная страница из истории экономической мысли; оно необходимо также для лучшего понимания многих идей современных буржуазных экономистов.

Лит.: Маркс К., Теории прибавочной стоимости, Л., 1924; Лассаль Ф., Капитал и труд. Бастиа-Шульце-Делич, 2-е издание, СПБ, 1906; Рубин И. И., История экономической мысли, М.—Л., 1926; Либкнехт В., История теории стоимости в Англии и учение Маркса, М., 1924; Бем-Баверк Е., Капитал и прибыль, СПБ, 1909; Whitaker A. C., History and Criticism of the Labor Theory of Value in English Political Economy, Columbia, 1904; Cannan E., A History of Theories of Production and Distribution in English Political Economy 1766—1848, 2 ed., Oxford, 1903. *И. Рубин.*

ВУЛЬГАРНЫЙ (от лат. vulgaris — простой, обыкновенный), пошлый, обывательский; грубоватый, дурного вкуса — в отношении людей, стиля и т. д.

ВУЛЬГАРНЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ, см. *Материализм.*

ВУЛЬГАТА (собственно: Vulgata versio), лат. перевод Библии, сделанный ок. 400 блаженным Иеронимом. Этот перевод получил общее признание в католической церкви и на Тридентском соборе был объявлен боговдохновенным (см. *Библия*, Б. С. Э., т. VI, ст. 203). В.—единственный официальный текст Библии у католиков. От времени в рукописи В. в ср. вв. вкрался ряд ошибок, и в наст. время в Ватикане действует комиссия по восстановлению текста Иеронима.

ВУЛЬПИУС (Vulpius), Христиан Август (1762—1827), нем. писатель, шурин Гёте, составил себе имя «разбойничьим» романом «Ринальдо Ринальдини» (1797). Интересный образ героя и искусно сплетенная интрига сделали этот роман чрезвычайно популярным: он выдержал до 20 изданий, переведен на все европейские языки и переделан самим автором в драму. Продолжения романа («Фернандо Фернандини», «Леонард Монтебелло или союз карбонариев») имели меньший успех, но вызвали (как и роман «Ринальдо») много подражаний. Рус. перевод—«Ринальдо Ринальдини, разбойничий атаман» (М., 1802—04, 2-е изд., 1818). Переведены также «Глориозо, или атаман-патриот» (М., 1806), «Прекрасная Шарлотта» (М., 1809—10), и др. «Ринальдо» зачитывались декабрист Бестужев, юноша Герцен; по воспоминаниям Макарова, «провинциальные дамы» увлекались им еще в половине 19 в.

Лит.: Fraureuth K. (Müller), Die Ritter- und Räuberromane, Halle, 1894.